Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2026. № 3 (312). С. 207–212.
Izvestia Voronezh State Pedagogical University. 2026. (3), 207–212.

Научная статья
УДК 81-112
DOI: 10.47438/2309-7078_2026_3_207.

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В.И. ФУРАШОВА: О ПРИРОДЕ СИНТАКСИЧЕСКОГО СИНКРЕТИЗМА

Николай Викторович Корнилов[1]

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых[1]
Владимир, Россия

[1]*Кандидат филологических наук, доцент кафедры интегрированных коммуникаций и социологии, ORCID ID: 0000-0003-3632-1968, тел.: 8(4922)479-987, e-mail: kornilov_nikolai@mail.ru*

Аннотация. В настоящей статье рассматривается вопрос о таком языковом явлении, как синкретизм. Приводятся основные трактовки этого термина в отечественном и зарубежном языкознании. Автор обращается к лингвистическому наследию известного синтаксиста, доктора филологических наук, профессора В.И. Фурашова, который в своих работах отмечал, что термин «многозначные члены предложения», употребляемый некоторыми языковедами (Б.Н. Головин, В.В. Бабайцева), является некорректным обозначением для синтаксического синкретизма. Исследователь, выделяя дифференциальные признаки лексической полисемии, наглядно показал, что синкретичные члены предложения имеют черты, с одной стороны, сближающие их с омонимией, а с другой – подчёркивающие своеобразие таких членов предложения. Сам В.И. Фурашов предпочитал употреблять термин «синкретичный член предложения», который, по его мнению, является вполне нейтральным обозначением и не противоречит природе этого языкового явления. Новизна статьи определяется тем, что лингвистическое наследие В.И. Фурашова ещё недостаточно изучено в аспекте рассматриваемой проблематики.

Ключевые слова: Владимир Иванович Фурашов, синкретизм, синтаксический синкретизм, многозначные члены предложения, синкретичный член предложения, лексическая омонимия, лексическая полисемия, синтетосемия.

Для цитирования: *Корнилов Н.В.* Из лингвистического наследия В.И. Фурашова: о природе синтаксического синкретизма // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2026. №3. С. 207–212. DOI: 10.47438/2309-7078_2026_3_207.

Введение

1 ноября 2025 года на 90-м году ушёл из жизни доктор филологических наук, профессор, отличник народного просвещения РСФСР и СССР, заслуженный работник высшей школы РФ В.И. Фурашов (1935 – 2025). Это невосполнимая утрата для современной науки о языке. Владимир Иванович был известным синтаксистом, специалистом по истории и теории отечественного языкознания, по методике преподавания русского языка. Его научное наследие богато и многообразно. Оно включает в себя более двухсот работ, опубликованных в разных изданиях, в том числе и в журналах «Вопросы языкознания», «Филологические науки», «Русский язык в школе» и др. Особо стоит выделить следующие монографии В.И. Фурашова: «Обособленные согласованные определения в современном русском литературном языке» (1975), «Несогласованные определения в современном русском языке» (1984), «Современный русский синтаксис» (2010), «Из истории отечественного языкознания: классики и современники» (2020).

В настоящей статье рассматривается вопрос о природе синтаксического синкретизма, который интересовал В.И. Фурашова на протяжении всей его научной деятельности. Этой проблеме посвящены такие статьи учёного, как «О синкретизме и смежных явлениях» (2004), «О так называемой многозначности членов предложения» (2007) и другие работы.

Как известно, в мировом языкознании изучение синкретизма имеет довольно богатую историю, актуальную и для современной науки о языке. Стоит отметить, что этот термин трактовали по-разному. Изначально он возник в морфологических исследованиях при описании падежных совпадений, затем был распространён на синтаксический уровень, а в

© Корнилов Н.В., 2026

работах некоторых языковедов стал практически отождествляться с так называемой многозначностью членов предложения. Особое распространение эта точка зрения получила в трудах Б.Н. Головина (1916 – 1984), В.В. Бабайцевой (1925 – 2016) и Л.Д. Чесноковой (1928 – 2000), а впоследствии проникла и в школьные учебники. Однако В.И. Фурашов последовательно и аргументированно критиковал такой подход.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы критически осмыслить концепцию «многозначности членов предложения» и, опираясь на работы В.И. Фурашова, доказать, что синтаксический синкретизм представляет собой особый тип семантики, отличный как от полисемии, так и от омонимии. Обращение к лингвистическому наследию В.И. Фурашова представляется особенно важным не только в силу теоретической значимости его идей, но и в связи с их практической ценностью для вузовской и школьной методики преподавания синтаксиса, где до сих пор сохраняется терминологическая и содержательная непоследовательность в квалификации переходных и синкретичных случаев.

Результаты

Исходной точкой изучения синкретизма является XXвек.По мнению В.К. Журавлёва (1922 – 2010), само понятие возникло в морфологических исследованиях Б. Дельбрюка (1842 – 1922) и Н.Н. Дурново (1876 – 1937), которые изучали падежный синкретизм [9, с. 58]. Л.В. Щерба (1880 – 1944), рассматривая синкретичные явления в языке, считал, что они являются «колеблющимися, неопределёнными», должны «больше всего привлекать внимание» лингвистов, так как «здесь мы присутствуем при эволюции языка» [18, с. 35 – 36].

А.М. Пешковский (1878 – 1933) в «Русском синтаксисе в научном освещении» (1914), анализируя предложения «Говори, *окаянная твоя душа*, где слямзил?» (Е. Карпов) и «Да, *ненасытная твоя душа*, ужли тебе мало ещё?» (А. Островский), отмечал «смешанное употребление разных грамматических категорий: словосочетания эти здесь, несомненно, являются *предложениями*, но в то же время в том предложении, в которое они вставлены, они столь же несомненно играют роль *обращений*»[13, с. 267]. По мнению языковеда, «это яркий пример синтаксического *синкретизма* в языке» [13, с. 267]. Кроме того, А.М. Пешковский синкретичными называл «синтаксические построения, где обособленные прилагательные и существительные (по школьной традиции – определения и приложения) не только ритмически, но и морфологически отрываются от определяемого существительного, в том числе и местоименного, вследствие утраты согласования» [16, с. 44]: «*Вечно холодные*, *вечно свободные*, Нет у *вас* родины, Нет *вам* изгнания» (М. Лермонтов); «Несколько раненых *офицеров* сидело на лавке, подобрав костыли, – *бледные*, *грустные*» (М. Лермонтов). Это, по мысли А.М. Пешковского, примеры «синтаксического *синкретизма* (обособленный член + неполное предложение)» [13, с. 432].

В работе «Школьная и научная грамматика» (1918) под синкретизмом А.М. Пешковский понимал способность слова совмещать свойства разных частей речи: «... Как человек может быть одновременно и умным, и блондином, так и слово может быть одновременно и прилагательным, и местоимением («такой»); и глаголом, и числительным («утраиваю»); и прилагательным, и предметным словом («каменный»); и существительным, и качественным словом («белизна»)» [14, с. 50].

В.В. Виноградов (1894/1895 – 1969) полагал, что «при зыбкости трёх категорий второстепенных членов предложения – определения, дополнения и обстоятельства – очень важны наблюдения над случаями переходными и «синкретическими» (т.е. совмещающими значения разных членов предложения)» [6, с. 282]. В.И. Фурашов считал, что «В.В. Виноградов, говоря о синкретизме второстепенных членов, имел в виду как морфологические, так и семантические их признаки, но синкретическими называл всё же только такие, которые совмещают значения разных членов предложения» [16, с. 45].

Вопрос о синкретизме был в центре внимания и у зарубежных языковедов. Так, в «Пролегоменах к теории языка» (1943) Л. Ельмслев (1899 – 1965) отмечал, что это явление, называемое в фонетике нейтрализацией, «заключается в том, что коммутация между двумя инвариантами в некоторых условиях пропадает» [8, с. 343 – 344]. В качестве примера приводится датское слово *top*, в котором наблюдается нейтрализация различий между фонемами /p/ и /b/, так как согласный на конце произносится либо как [p], либо как [b][8, с. 344]. Датский языковед различал разрешимый и неразрешимый синкретизм. В первом случае можно подобрать вариант, который «не включается в совпадение» [8, с. 344]. Например, латинское слово *templum* («святилище», «храм»), у которого при склонении в единственном числе совпадают формы именительного и винительного падежей (омонимия грамматических форм в современной лингвистике), синкретизм, по мнению Л. Ельмслева, разрешается контекстом, тогда как в приведённом выше датском слове *top* имеем дело с неразрешимым синкретизмом [8, с. 347].В другой работе «Можно ли считать, что значения слов образуют структуру?» (1958) Л. Ельмслев, возвращаясь к данному вопросу, полагал, что «между двумя или несколькими элементами в содержании одного знака часто имеет место **синкретизм**» [7, с. 135]. Например, «*лиса* – это, с одной стороны, *рыжее животное*, а с другой – *хитрое животное*» [7, с. 135].

Приведённые примеры показывают, что Л. Ельмслев под синкретизмом понимал разные явления: омонимию грамматических форм (совпадение именительного и винительного падежей единственного числа у латинского слова *templum*), лексическую полисемию (многозначность слова *лиса*) и нейтрализацию фонем в слабых позициях (пример с датским словом *top*).

Французский языковед А. Мартине (1908 – 1999) полагал, что «синкретизм представляет своего рода языковой «изъян», который усложняет функционирование языка, хотя в связи с естественной избыточностью человеческой речи лишь в исключительных случаях он может привести к путанице» [11, с. 102].

Лингвист отмечал, что данное языковое явление нельзя отождествлять с нейтрализацией, как это делал Л. Ельмслев. Синкретизм, по мнению А. Мартине, является проявлением «частичной омонимии в языке» [11, с. 102]. В качестве примера он приводит совпадение грамматических форм латинского датива и аблатива во множественном числе, а также именительного и родительного падежей у имён существительных среднего рода [11, с. 102]. Кроме того, «во французском языке имеется синкретизм форм сослагательного и изъявительного наклонений в ед. числе и в 3-м лице мн. числа глаголов первой группы (за единичным исключением)» [11, с. 102].

В.И. Фурашов справедливо подметил, что «соображения Л. Ельмслева, А.М. Пешковского и В.В. Виноградова легли в основу дефиниций синкретизма в словарях лингвистических терминов, справочниках и энциклопедиях» [16, с. 46]. Например, в «Словаре лингвистических терминов» (1966) О.С. Ахмановой (1908 – 1991) находим следующее определение: «Синкретизм – это функциональное объединение разных форм выражения, нейтрализация противопоставлений (оппозиций); совпадение означающих при различии означаемых»: «В лат. яз. аблатив, выражающий инструментальное и местное значение» [1, с. 406]. Синтаксический синкретизм трактуется как «синтаксическая двусмысленность, возникающая вследствие формального неразличения разных синтаксических категорий» [1, с. 410]. По мысли В.И. Фурашова, О.С. Ахманова «в понимании синкретизма следует, с одной стороны, Л. Ельмслеву (ср. «совпадение означающих при разных означаемых», «нейтрализация противопоставлений»), а с другой – А.М. Пешковскому (ср. «синтаксическая двусмысленность», «формальное неразличение разных синтаксических категорий»)» [16, с. 46].

П.А. Лекант (1932 – 2019) в «Кратком справочнике по современному русскому языку» (1991) под синтаксическим синкретизмом понимал «совмещение значений, свойственных различным членам» и считал, что его источником является «несоответствие (дисгармония) формы и функции» [10, с. 337]. В предложении «Шофёр затормозил у домика на окраине» (К. Симонов) предложно-падежная форма *на окраине* «совмещает значения определения и обстоятельства места, но относится всё же к инварианту определения, а не обстоятельства. Ср.: *домик на окраине*; *домик, расположенный на окраине*; *окраинный домик*»[16, с. 47]. Очевидно, что П.А. Лекант является сторонником точки зрения В.В. Виноградова, называвшего «синкретическими» переходные явления в области второстепенных членов предложения и находившего в них совмещение значений различных членов предложения.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (1990) в статье В.В. Бабайцевой «Синкретизм» приводятся два значения этого термина: 1)«совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме» (в словах *мор**е***, *вод**а***, *окн**о*** «одно окончание имеет значение определённого рода, числа и падежа»); 2) «совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка (некоторых разрядов слов, значений, предложений, членов предложений и др.), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности» [2, с. 446]. По мнению В.И. Фурашова, «второе значение имеет отношение к разного рода гибридным образованиям, которые обычно квалифицируются как контаминационные, промежуточные, диффузные, переходные» [16, с. 47].

Итак, в истории мирового языкознания предлагались разные определения и трактовки термина «синкретизм», что свидетельствует о сложной природе этого языкового явления, которое следует рассматривать многоаспектно.

Особенно важен вопрос, связанный с природой синтаксического синкретизма. В конце 70-х гг. XX века в отечественном языкознании стала высказываться точка зрения, согласно которой синкретичные члены предложения многозначны. Так, Б.Н. Головин писал:«… Нужно принимать во внимание синтаксическую полисемию, подобно тому как мы принимаем полисемию лексическую» [5, с. 189]. И далее: «Многие члены предложения двузначны, т.е. совмещают в одной форме два грамматических значения – объектное и определительное, объектное и обстоятельственное, определительное и обстоятельственное» [5, с. 189]. Языковед приводит следующие примеры: «Цветок положил в книгу» – *во что?* и *куда?*– дополнение и обстоятельство; «Книга лежит на диване» –*где?* и *на чём?*– обстоятельство и дополнение [5, с. 184].

Анализируя эту цитату, В.И. Фурашов отмечал: «Обращает на себя внимание очерёдность вопросов, а отсюда и квалификация соответствующих второстепенных членов: в предложении «Цветок положил в книгу» предложно-падежная форма *в книгу*, скорее всего, осознаётся как дополнение с оттенком значения обстоятельства (вопрос *во что?* выдвинут на передний план), а в предложении «Книга лежит на диване» – как обстоятельство с оттенком значения дополнения (вопрос *где?* предшествует вопросу *на чём?*)» [16, с. 51].

Идея Б.Н. Головина о противопоставлении однозначных членов предложения многозначным получила развитие и в работах В.В. Бабайцевой, которая полагала, что «по семантике члены предложения делятся на типичные (однозначные) и синкретичные (многозначные)» [3, с. 86]. Первые «обладают полным набором дифференциальных признаков какого-либо одного члена предложения», а вторые «совмещают дифференциальные признаки разных членов предложения» [3, с. 86].

Такой подход находим и в современных школьных учебниках. В одном из них сказано, что члены предложения, как и слова, «могут быть однозначными и многозначными» [4, с. 214]. Сравниваются следующие предложения: «Снег лежит (где?) *на полях*» и «Снег лежит (на чём? где?) *на ветках* деревьев». В первом примере предложно-падежная форма *на полях*, по мнению авторов, является обстоятельством места, а словоформа *на ветках* во втором примере «имеет значение и дополнения, и обстоятельства места» [4, с. 214].

По мнению В.И. Фурашова, «сложившаяся ситуация живо напоминает те времена, когда

совмещение разнородных граммем в одном аффиксе в языках флективного типа (ср. русск. вод-**а**, где флексия одновременно выражает грамматические значения рода, числа и падежа, что совершенно невозможно в языках агглютинативных) квалифицировалось как многозначность» [16, с. 71]. Отечественный языковед Е.Д. Поливанов (1891 – 1938) справедливо критиковал этот подход и предпочитал говорить о «сложном значении», которое представлено «совокупностью различных частных значений [или отдельных идей]» [15, с. 52]. По его мнению, это языковое явление нельзя смешивать ни с омонимией, ни с полисемией. Другой русский лингвист Ю.С. Маслов (1914 – 1990) в 80-е гг. XX века предложил термин *синтетосемия* (в переводе с греческого языка «сложнозначность»), которую обозначал как «одновременную многозначность» и отграничивал от лексической полисемии, при которой наблюдается «сменность (варьирование) значения» [12, с. 235].

Следует отметить, что «своеобразие совмещения нескольких означаемых в одном означающем на разных уровнях языка ставит всё же лингвистов перед необходимостью дифференциации указанных явлений» [16, с. 52]. Например, Л.Д. Чеснокова указывала, что существует особый вид многозначности – синтаксическая, которую она называла синтагматической: «Синтагматическая многозначность–это наличие у языковой единицы нескольких значений, которые реализуются у словоформы одновременно в одном тексте» [17, с. 76]. В предложении «И вспомнились мне вдруг вокзалы поздней ночью, когда пассажиры спят на широких скамьях» (К. Паустовский) «словоформа *ночью* обладает синтагматической многозначностью: она одновременно выражает два значения – значение обстоятельственное, временное, и значение атрибутивное» [17, с. 76].

В.И. Фурашов считал, что, «на первый взгляд, может показаться, что синкретизм в области членов предложения имеет нечто общее с лексической многозначностью (ведь в обоих случаях одно означающее сопряжено с несколькими означаемыми), но при сопоставлении лексической многозначности со «сложнозначностью» синкретичного члена предложения, конечно же, легко заметить, что перед нами явления разного порядка» [16, с. 73]. В качестве примеров исследователь приводит предложение «Я обливаюсь колодезной водой и слушаю рожок пастуха» (К. Паустовский), где «словоформа *пастуха* (рожок пастуха) совмещает дифференциальные признаки, в том числе и семантические, определения и дополнения», и многозначное слово *дворник* [16, с. 73]. В результате сопоставления этих языковых явлений В.И. Фурашов пришёл к следующим соображениям:

1. «Значения определения и дополнения в словоформе *пастуха* (ср. *пастуший рожок*) принадлежат разным инвариантам, разным членам предложения, а два значения слова *дворник* – одному инварианту, одному слову» [16, с. 73].

2. «Хотя значение определения явно превалирует, что можно доказать объективно существующим в синтаксической системе современного русского языка соотношением (ср. *рожок пастуха – пастуший рожок* при отсутствии третьего члена ряда, как это бывает в случаях неразрешимого синкретизма, – *ловля рыбы – рыбная ловля – ловить рыбу*), значение дополнения не мотивировано значением определения, а второе значение слова *дворник* – результат переноса по функции и потому мотивировано первым значением» [16, с. 73].

3. «Сложное значение синкретичного члена предложения не организуется по принципу цепочечной или какой-либо иной полисемии» (радиальной, радиально-цепочечной) [16, с. 52–53, 73].

4. «В сложном значении синкретичного члена нет общего семантического компонента, а в слове *дворник* – это «подметать», «чистить» [16, с. 74].

5. «Сложнозначность» синкретичного члена предложения «не устраняется синтагматически, поэтому и придуман термин «синтагматическая многозначность» [16, с. 74].

6. «При лексической многозначности, как и при омонимии, все значения представлены в полном объёме и реализуются в контексте, даже минимальном (ср. *ключ от квартиры* и *гаечный ключ*; *ключ от квартиры* и *вода из ключа*; в первом случае один инвариант, во втором – два). В сложной семантике синкретичного члена доли значений разных членов предложения редуцируются» [16, с. 74].

7. «Отсутствует метафорическая, метонимическая или функциональная мотивировка одного синтаксического значения другим» [16, с. 52].

В.И. Фурашов полагал, что «в результате сопоставления лексической многозначности со «сложнозначностью» синкретичных членов предложения можно сделать следующее заключение: по четырём первым признакам «сложнозначность» больше напоминает омонимию, чем полисемию, но не является ни той, ни другой; пятый и шестой признаки отграничивают её как от полисемии, так и от омонимии» [16, с. 74–75]. Кроме того, «сложное по своему составу значение синкретичных членов предложения со временем может получить терминологическое обозначение, а пока вполне достаточно термина *синкретичный* член предложения» [16, с. 75].

Выводы

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. В истории мировой лингвистики представлены разные толкования термина «синкретизм». Принято считать, что само понятие было введено в морфологических исследованиях Б. Дельбрюка и Н.Н. Дурново при изучении падежных совпадений. В дальнейшем А.М. Пешковский существенно расширил границы этого явления, распространив его на синтаксический уровень и квалифицировав как совмещение в одной синтаксической единице свойств разных членов предложения и даже предложений (например, обособленный оборот + неполное предложение). В.И. Фурашов, развивая эту линию, показал, что синтаксический синкретизм имеет иную природу, чем морфологический.

2. В.И. Фурашов подверг обоснованной критике концепцию «синтаксической многозначности» (синтагматической полисемии), получившую распространение в работах Б.Н. Головина, В.В. Бабайцевой, Л.Д. Чесноковой и даже проникшую в школьные

учебники. В.И. Фурашов убедительно доказал, что «сложнозначность» синкретичного члена предложения (например, рожок *пастуха*, совмещающего значения определения и дополнения) качественно отличается от лексической полисемии (например, слово *дворник*). Синтаксический синкретизм не является ни омонимией, ни полисемией, а представляет собой особое явление синтаксической семантики, которое по ряду признаков напоминает омонимию (разные инварианты, отсутствие общего компонента), однако «сложнозначность» не устраняется контекстом (синтагматически), а доли совмещаемых значений редуцированы. Это позволяет рассматривать синтаксический синкретизм как самостоятельный тип языковой семантики. В.И. Фурашов настаивал на сохранении термина «синкретичный член предложения», поскольку он адекватно отражает совмещение дифференциальных признаков разных членов при отсутствии «сменности» значений, характерной для полисемии.

3. Научное наследие В.И. Фурашова вносит существенный вклад в теорию переходности и синкретизма. Опираясь на идеи своих предшественников и критически переосмысливая позднейшие концепции, учёный предложил чёткие критерии для отграничения синтаксического синкретизма от смежных явлений. Его соображения имеют не только теоретическое, но и практическое значение для школьной и вузовской методики преподавания синтаксиса современного русского языка, где до сих пор сохраняется непоследовательность в квалификации «многозначных» членов предложения. Предложенное В.И. Фурашовым понимание синтаксического синкретизма как особого типа семантики, а не как разновидности полисемии, позволяет построить более строгую и последовательную систему членов предложения, в которой синкретичные случаи займут своё достойное место.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Бабайцева В.В. Синкретизм // Лингвистический энциклопедический словарь. Главный редактор В.Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 446.
3. Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке. М. : Просвещение, 1988. 159 с.
4. Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Русский язык. Теория. 5–9 классы : учебник. 11-е изд., стер. М. : Просвещение, 2022. 318 с.
5. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М. : Просвещение, 1979. 416 с.
6. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. М. : Наука, 1975. 559 с.
7. Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру?// Новое в лингвистике. Вып. 2. М. : Издательство иностранной литературы, 1962. С. 117 – 136.
8. Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М. : Издательство иностранной литературы, 1960. С. 264–389.
9. Журавлёв В.К. Диахроническая морфология. 2-е изд., стер. М. : УРСС, Едиториал УРСС, 2004. 207 с.
10. Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку / под ред. П.А. Леканта. М. : Высшая школа, 1991. 383 с.
11. Мартине А. Нейтрализация и синкретизм // Вопросы языкознания. 1969. №2. С. 96–109.
12. Маслов Ю.С. Введение в языкознание : учебник для филологических специальностей вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Высшая школа, 1987. 272 с.
13. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М. : Учпедгиз, 1956. 511 с.
14. Пешковский А.М. Школьная и научная грамматика. Опыт применения научно-грамматических принципов к школьной практике. 2-е изд., испр. и доп. М., 1918. 126 с.
15. Поливанов Е.Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент : Госиздат УзССР, 1934. 182 с.
16. Фурашов В.И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир : ВГГУ, 2010. 368 с.
17. Чеснокова Л.Д. Проблема членов предложения в теоретическом и методическом аспектах: Учебное пособие по спецкурсу. Таганрог : ТГПИ, 1991. 215 с.
18. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л. : ЛГУ, 1958. 182 с.

References

1. Akhmanova, O.S. (1966) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. 608 p. (In Russian)
2. Babaitseva, V.V. (1990) Sinkretizm [Syncretism]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*.Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. 446 p. (In Russian)
3. Babaitseva, V.V. (1988) *Sistema chlenov predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [The system of sentence parts in modern Russian]. Moscow, Prosveshchenie. 159 p. (In Russian)
4. Babaitseva, V.V. & Chesnokova, L.D. (2022) *Russkii yazyk. Teoriya. 5–9 klassy: uchebnik* [Russian Language. Theory. Grades 5–9: Textbook]. Moscow, Prosveshchenie. 318 p. (In Russian)
5. Berezin, F.M. & Golovin, B.N. (1979) *Obshchee yazykoznanie* [General linguistics]. Moscow, Prosveshchenie. 416 p .(In Russian)

6. Vinogradov, V.V. (1975) *Issledovaniya po russkoi grammatike* [Research on Russian grammar]. Moscow, Nauka. 559 p. (In Russian)
7. El'mslev, L. (1962) Mozhno li schitat', chto znacheniya slov obrazuyut strukturu? [Can we consider that the meanings of words form a structure?]. *Novoe v lingvistike*. Vol. 2. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, pp. 117–136. (In Russian)
8. El'mslev, L. (1960) Prolegomeny k teorii yazyka [Prolegomena to the Theory of Language]. *Novoe v lingvistike.* Vol. 1. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, pp. 264–389. (In Russian)
9. Zhuravlev, V.K. (2004) *Diakhronicheskaya morfologiya* [Diachronic morphology]. Moscow, URSS, Editorial URSS. 207 p. (In Russian)
10. Kasatkin, L.L. & Klobukov, E.V. & Lekant, P.A. (1991) *Kratkii spravochnik po sovremennomu russkomu yazyku* [A Brief Guide to the Modern Russian Language]. Moscow, Vysshaya shkola. 383p. (In Russian)
11. Martine, A. (1969) Neitralizatsiya i sinkretizm [Neutralization and syncretism]. *Voprosy yazykoznaniya*. (2), 96–109. (In Russian)
12. Maslov, Yu.S. (1987) *Vvedenie v yazykoznanie: Uchebnik dlya filologicheskikh spetsial'nostei vuzov* [Introduction to Linguistics: A Textbook for Philological Specialties at Universities]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow,Vysshaya shkola. 272 p. (In Russian)
13. Peshkovskii, A.M. (1956) *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific interpretation]. Moscow, Uchpedgiz. 511p. (In Russian)
14. Peshkovskii, A.M. (1918) *Shkol'naya i nauchnaya grammatika. Opyt primeneniya nauchno-grammaticheskikh printsipov k shkol'noi praktike* [School and Scientific Grammar: An Application of Scientific Grammar Principles to School Practice]. Moscow. 126 p. (In Russian)
15. Polivanov, E.D. (1934) *Russkaya grammatika v sopostavlenii s uzbekskim yazykom* [Russian grammar in comparison with the Uzbek language]. Tashkent, Gosizdat UzSSR. 182 p. (In Russian)
16. Furashov, V.I. (2010) *Sovremennyi russkii sintaksis. Izbrannye raboty* [Contemporary Russian Syntax: Selected Works]. Vladimir, VGGU. 368 p. (In Russian)
17. Chesnokova, L.D. (1991) *Problema chlenov predlozheniya v teoreticheskom i metodicheskom aspektakh: Uchebnoe posobie po spetskursu* [The problem of sentence members in theoretical and methodological aspects: A textbook for a special course]. Taganrog, TGPI. 215 p. (In Russian)
18. Shcherba, L.V. (1958) *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu i fonetike* [Selected Works on Linguistics and Phonetics]. Leningrad, LGU. 182 p. (In Russian)

Поступила в редакцию 22.07.2026
Подписана в печать 30.09.2026

Original article
UDC 81-112
DOI 10.47438/2309-7078_2026_3_207.

FROM THE LINGUISTIC HERITAGE OF V. I. FURASHOV: ON THE NATURE OF SYNTACTIC SYNCRETISM

Nikolay V. Kornilov[1]

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs[1]
Vladimir, Russia

[1]*Cand. Philol. Sci., Docent of the Department of Integrated Communications and Sociology, ORCID ID: 0000-0003-3632-1968, tel.: 8(4922)479-987, e-mail: kornilov_nikolai@mail.ru*

Abstract. This article examines the linguistic phenomenon of syncretism. The main interpretations of this term in Russian and foreign linguistics are presented. The author draws on the linguistic legacy of the renowned syntactician, Doctor of Philology, and Professor V.I. Furashov, who noted in his works that the term “polysemantic members of a sentence”, used by some linguists (B.N. Golovin, V.V. Babaytseva), is an incorrect designation for syntactic syncretism. Highlighting the distinctive features of lexical polysemy, the researcher clearly demonstrated that syncretic members of a sentence possess characteristics that, on the one hand, bring them closer to homonymy, and on the other, emphasize the uniqueness of such members of a sentence. V.I. Furashov himself preferred to use the term “syncretic member of a sentence”, which, in his opinion, is a completely neutral designation and does not contradict the nature of this linguistic phenomenon. The novelty of the article is determined by the fact that the linguistic legacy of V.I. Furashov has not yet been sufficiently studied in terms of the problem under consideration.

Key words: Vladimir Ivanovich Furashov, syncretism, syntactic syncretism, polysemantic members of a sentence, syncretic member of a sentence, lexical homonymy, lexical polysemy, synthetosemy.

Cite as: Kornilov, N.V. (2026) From the linguistic heritage of V. I. Furashov: on the nature of syntactic syncretism. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University.* (3), 207–212. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: 10.47438/2309-7078_2026_3_207.

Received 22.07.2026
Accepted 30.09.2026